

УДК 902

А.Л. Кунгуров

## ГОРОДИЩА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ НА АЛТАЕ: КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ И ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

*Исследуется комплекс городищ первой половины I тыс. н.э., расположенных в лесостепной зоне Алтая. Городища структурированы в фортификационные ансамбли и имеют сходные географические условия расположения (граница соснового бора и пойма рек и озер). Изученные особенности их размещения на террасах и планиграфические характеристики позволяют сделать предварительные выводы об их функционировании как крепостей и выделить три линии обороны: засеку, гласис и основную ограду крепости (стена, эскарп). Определены дальнейшие направления изучения этого типа памятников.*

Ключевые слова: городище, укрепление, эпоха поздней древности, фортификация.

В настоящее время на территории лесостепного и предгорного Алтая зафиксировано 46 памятников, которые датируются эпохой поздней древности или началом периода средневековья (первая половина I тыс. н.э.) и имеют признаки городищ – рвы, валы, эскарпы. Из них три объекта по характеру материала относятся к майминской культуре и нами рассматриваться не будут, это отдельная тема. Интерпретация городищ исследователями достаточно разнообразна и неоднозначна. Например, А.А. Казаков пришел к выводу о невозможности использования линии вал – ров как фортификационной и предположил ее использование в качестве маркера «жилого социального пространства» [1. С. 186], отделяющего членов социума от адоптов или чужаков, которые селились в посадах. Появление подобного предположения, с одной стороны, связано с расположением городищ периода поздней древности в местах, не имеющих серьезной естественной защиты, а с другой – с характером видимых визуально и исследованных рвов и валов, особенно в случаях расположения вала перед рвом. Эти элементы фортификации имеют очень незначительные параметры. Ров больше всего напоминает неширокую и неглубокую канаву, которая не может сама по себе служить серьезным препятствием даже в комплексе с валом, редко превышающим высоту в 0,5 м.

В связи с этим необходимо определиться с характером имеющихся памятников: являются ли они укрепленными поселками или это лишь специфика проявления неукрепленных селищ. Во-первых, сразу возникает закономерный вопрос, ответ на который однозначно сделать практически невозможно: почему на многих поселениях этого периода времени при прочих равных условиях никаких рвов с валами нет. Во-вторых, для какой цели неукрепленным поселениям необходимы та-

кие трудоемкие сооружения, как эскарпы, присутствующие на 22 объектах? В-третьих, почему поселения с отсутствием рвов и валов имеют линейное построение, а «огороженные» – округлое и овальное. Первый и второй вопросы однозначно подсказывают ответ о фортификационном характере вала, рва и эскарпа, образующих единую систему защиты внутреннего пространства памятника. Ответ на третий вопрос косвенно свидетельствует об этом же. Отчасти его осветил Л.Р. Кызласов [2. С. 6–12], рассматривая традиционные укрепления «ранних сибирских первогородов» как городищ с «жилыми стенами». Он же опубликовал сведения о сооружении укреплений такого типа татарами, входящими в войско Кучума в XVI в.: «а поставлены де у них избы рублены в стену кругом, по смете де изб с полчетверта-десять; да у них же де, господине, обдернуто около изб телегами кочевыми большими для крепости...» [3. С. 50]. Судя по тексту, округлая «жилая стена» татарской крепости была составлена из 35 («полчетверта-десять») вплотную срубленных из бревен жилых изб, окруженных для защиты от внезапного нападения большими телегами. По мнению Л.Р. Кызласова, эта система организации защищенного жилого пространства сложилась еще в неолите-энеолите в обществах ранних скотоводов [2. С. 11]. Если развивать данную идею дальше, то можно предположить, что прототипом округлых городищ являлись древние «гуляй-города» или «вагенбург» – передвижные фортификационные сооружения из сцепленных между собой телег, внутри которых находились люди и перевозимое снаряжение [4, 5].

Итак, можно с достаточной долей уверенности предполагать фортификационный характер сооружений с жилым пространством, окруженным рвами и валами, защищенным эскарпом и имею-

щим преимущественно круговое расположение жилищ, прототипом которого мог являться древний «вагенбург». Площадь таких городищ, т.е. «заброшенных, сглаженных руин древних крепостей и городков» [6. С. 724], в лесостепной зоне Алтая колеблется от 500–600 до 11 тыс. кв. м. Основное количество памятников имеет площадь от 1,5 до 4–6 тыс. кв. м., по меркам Западной Сибири это крупные сооружения [7. С. 337–341]. Практически все они расположены на краях боровых террас, круто обрывающихся к поймам рек, стариц или озер. Привязка сооружений к мысам или иным элементам рельефа, способствующим усилению обороноспособности (лога, овраги, всхолмления и гривы) присутствовала, но не имела обязательного применения. Большая часть городищ располагается или на относительно пологих поверхностях террас, или на их высоких (но не узких) участках. Расположение фортификации на краю террас тоже не является обязательным требованием системы обороны. Например, Бийское городище 7, Фоминское городище 1, часть объектов комплекса МГК 2 расположены на удалении от 100 до 200 м от кромки террас [8. С. 219–231; 9. С. 68–72]. Другой интересный и важный момент для реконструкции функционирования городищ эпохи поздней древности Алтая, – это их расположение на опушке сосновых лесов, как правило, выходящих к обширным пойменным зонам. Зачастую городища в таких местах образуют целые линии, занимающие многокилометровые отрезки берега. Наиболее выразительными являются комплексы Кокуйское – МГК 2 (девять памятников на отрезке берега длиной 15 км), озеро Иткуль (19 памятников на отрезке берега около 10 км) и десять городищ на участке Бийск – Фоминское – Акутиха, растянувшиеся на несколько десятков километров. Неисследованность многих участков береговых зон позволяет предполагать возможность существования и других не менее обширных «фортификационных микро-районов» [10]. На первый взгляд, расположение оборонительного сооружения в лесу делает его защиту уязвимой. Однако это далеко не так. Грамотное фортификационное использование лесного ландшафта делает видимый недостаток существенным преимуществом, превращая лесную крепость в мощный узел сопротивления. На мой взгляд, «боровые» городища могли иметь три линии обороны.

**Первая линия**, расположенная на расстоянии действенного поражения стрелой (не менее 100–150 м) от стены памятника, имеет наименование **засека**. Это заграждение, устраиваемое из деревьев диаметром ствола от 15 см и более, поваленных

крест-накрест вершинами в сторону противника. Глубина засеки может быть любой. Она зависит от наличия сил и времени у обороняющихся, а также от военной обстановки в регионе. Засеки широко применялись в качестве основы для устройства засечной черты на границах Русского государства вплоть до XVI–XVII вв. Сваленные деревья закреплялись различными способами для препятствия растаскивания их противником. Сучья и толстые ветви «засечных» деревьев, направленных радиально от укрепления, заострялись. Могли иметь место и другие простые, но весьма действенные способы усилить первую линию обороны – от скрытых ям-ловушек и активных капканов и петель различного устройства до секретных проходов, позволявших защитникам серьезно осложнить их преодоление врагом.

**Вторая линия**, в отличие от первой, представляла, на мой взгляд, **гласис** – открытое, зачастую полого наклонное пространство, очищенное от любой растительности и деревьев. Часть стволов и сучьев использовалась для усиления засеки, часть – для строительства укрепления (стены, жилища, хозяйственные постройки и т.п.). На городищах лесостепного Алтая зафиксировано до нескольких десятков западин, площадью от 15–20 до 40 кв. м. Обычная площадь строений подпрямоугольной, подквадратной или округлой форм около 25 кв. м. Какова бы не была конструкция этих жилищ, бревен и жердей для строительства она требовала много. Немало древесины уходило на сооружение стены – заплота или палисада (частокола). Вне всякого сомнения, на расчищенном пространстве гласиса имелись дополнительные препятствия, делавшие сложным его преодоление противником, уже имеющим потери в темпе и живой силе при форсировании засеки. Наиболее оптимальным простым и эффективным средством сдерживания на открытом пространстве являются **рогатки**. Это лёгкое оборонительное заграждение-конструкция из перекрещенных и скреплённых (связанных) между собою деревянных бруса и кольев (обычно заострённых). В известных приемах применения этих заграждений [4, 5] рекомендуется закреплять рогатки вколотенными в землю кольями для осложнения их разрушения противником. Само собой пересечение гласиса с рогатками врагу придется делать под интенсивным обстрелом защитников крепости. Первая и вторая линии обороны соответствуют фортификационному понятию *главная крепостная позиция* (или *главная оборонительная позиция крепости*), под которым понимается наружный пояс крепостных укреплений, удаленный от центральной ограды.

На этой позиции гарнизон крепости должен был оказывать наиболее упорное сопротивление атакующему противнику. По самому скромному подсчету усредненная главная крепостная позиция городища лесостепного Алтая имеет окружность длиной 1–1,5 км и площадь около 120–150 тыс. кв. м. Если противник преодолевал эту позицию, он оказывался перед третьей линией обороны.

**Третьей линией** обороны является стена крепости. Как уже отмечалось, это мог быть заплот или палисад. **Заплот** – это глухой забор из горизонтальных полубревен, плах или досок, вставленных своими концами в пазы стоек или закрепленных иным способом. Археологически зафиксировать заплот очень сложно, так как он может конструктивно не иметь видимых следов в виде ям или канав. Тем более, частью заплота легко могут стать участки рубленых стен жилищ, расположенных по окружности оборонительной линии.

**Палисад, или частокол**, – препятствие или стена из ряда столбов высотой в несколько метров, вертикально врытых или вбитых в землю вплотную или на небольшом расстоянии и соединённых между собой для прочности одним-двумя горизонтальными брусками. Чаще всего использовались стволы деревьев. Палисад идеально подходил для быстрого возведения небольших укреплённых пунктов, особенно в богатых лесами территориях. Остатки палисада были зафиксированы при исследовании памятника Городище 3 на озере Иткуль. Там частокол был устроен по валу, расположенному за рвом, выложенным досками [11. С. 58]. И палисад, и заплот в укреплениях лесостепного Алтая почти на всех памятниках подпираются изнутри достаточно крупными жилищами, которые выполняли роль **валганга** (в средние века присыпка изнутри стен с целью их усиления, на ней могли располагаться защитники). Не исключено то, что их крыши или участки кровель использовались как помост для обороняющихся стрелков – своего рода боевой ход.

Составным элементом главной крепостной ограды ансамбля городища является **эскарп** – крутой искусственный срез береговой кромки, примыкающей к стене или являющийся ее сегментом на подковообразных городищах. Именно эскарпы демонстрируют нам всю серьезность подхода строителей эпохи поздней древности в лесостепном Алтае к сооружению крепостей. Исследователи не зафиксировали эскарпы на городищах, которые не примыкают к кромкам террас, но это не означает, что их там не было. Просто во всех случаях эти кромки разрушены природным или антропогенным воздействием. Скорее всего, при

расположении городища в глубине террасы эскарп исполнял роль засеки, не позволяя противнику приблизиться со стороны воды или поймы. При этом надо учитывать имеющиеся материалы по боевому применению эскарпов [12]. Кроме увеличения крутизны склона, они снабжались целым спектром «поражающих элементов» – рогатками, наклонными заостренными палисадами, отдельными кольями, ямами-ловушками и т.п. После преодоления эскарпа противник, потеряв темп движения, попадал на гласис и становился уязвим для стрелков обороняющихся. Как уже отмечалось, эскарпы зафиксированы на 22 городищах лесостепного Алтая. Несмотря на кажущуюся простоту, это сооружения трудоемкие и требующие соответствующих орудий труда и навыков работы. Высота этих искусственных откосов кромки берега может достигать 3–5 м, длина – от 5–6 до 15 м. После «эскарпирования» склон получал уклон вместо обычных 40–50 – 70–80 градусов и становился практически непреодолимым без штурмовых лестниц. В нижней части эскарпа фиксируется узкая продольная ступень, которая скорее всего тоже снабжалась защитными элементами типа рогаток. Если штурм укрепления не планировался заранее, противник выбирал другой путь атаки и попадал в засеку, а затем на гласис.

Основная ограда крепости также не являлась преградой, которую легко пройти. Планиграфия городищ достаточно сложна и требует отдельного исследования, однако некоторые наблюдения можно сделать уже сейчас. Часть памятников снабжена въездами с гласиса на обороняемую территорию (девять случаев, городище Демково на озере Иткуль имеет два въезда, а Акутиха 1 на Оби – три), и эти разрывы в фортификации часто отдельно защищены. Самая редкая защита въезда фиксируется на «ромашковидном» по абрису городище Усть-Лосиха 2. Это «элементарный» **захаб** – фортификационное сооружение, образованное заходом в месте разрыва одного окончания оборонительной линии за другое. Подобное устройство прохода на обороняемую территорию позволяет его достаточно легко блокировать. На одном из самых крупных объектов региона Бийском городище 3 площадью около 20 тыс. кв. м с длинной фортификационной линией 500 м в месте выхода находится огромная прямоугольная западина площадью 70 кв. м. Ни одного жилища подобных размеров в эту эпоху на Алтае не известно (всего на 43 городищах отмечено и описано 520 жилищных западин). Этот факт позволяет предположить наличие около въезда на территорию Бийского городища 3 привратной непроездной башни. В

нескольких случаях встречены разнообразные пристройки, внутренние огороженные сооружения различных форм, сдвоенные линии фортификации и т.п. Все эти элементы городищ эпохи поздней древности Алтая требуют тщательного и внимательного изучения в полевых условиях, выявления последовательности их строительства, одновременности функционирования, возможного назначения и т.п. Не менее сложным является изучение и реконструкция крепостных стен и эскарпов, выявление сегментов главной оборонительной позиции крепостей, изучение системы входов или въездов на территорию укреплений (их зафиксировано всего 11, но в оставшиеся 32 крепости люди тоже должны были как-то попадать). Проведенный анализ позволяет также объяснить невыразительные параметры валов и рвов данных городищ. По существу эти фортификационные линии не имели своего традиционного назначения – служить самостоятельными препятствиями на пути продвижения противника. Они являются остатками конструкции основной крепостной ограды и в различных фортификационных ансамблях могли сформироваться по разным причинам – при устройстве стационарных «подстенных» рогаток, как резервы грунта для подсыпки опор стены, как фундаменты палисадов и заплотов и по многим другим причинам, которые надо рассматривать отдельно на каждом объекте. Таким образом, даже первоначальный анализ накопленного и опубликованного материала показал весьма серьезные перспективы и актуальность изучения «лесных» террасовых городищ, которые являлись мощными и труднопреодолимыми узлами обороны.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Казаков А.А. К вопросу о функциональном назначении линии вал – ров // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 183–187.
2. Кызласов Л.Р. Древнейшие крепости Западной Сибири // Вопросы археологии и истории южной Сибири. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. С. 6–12.
3. Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М.: Изд-во МГУ, 1992. 132 с.
4. Шперк В.Ф. Фортификационный словарь. М.: Изд-во Военно-инж. акад. им. В.В. Куйбышева, 1946. 128 с.
5. Шперк В.Ф., Борисов Ф.В. Долговременная фортификация: в 2 т. М.: Воениздат, 1952. Т. 1. 422 с.
6. Грязнов М.П. Городища // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Сибирское краевое изд-во, 1929. Т. 1. 1500 с.
7. Абдулганеев М.Т., Борзунова В.А., Казаков А.А. и др. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища Западной Сибири. Кн. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 490 с.
8. Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Комплекс городищ около г. Бийска // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 219–231.
9. Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон 2 (по материалам разведки 1991 г.) // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 68–72.
10. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск: Изд-во Алт. ун-та, 1992. С. 7–47.
11. Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х., Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. История исследования археологических памятников Зонального района // Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 2003. С. 50–78.
12. Яковлев В.В. Эволюция долговременной фортификации М.: Государственное военное изд-во, 1931. 285 с.